

РИТУАЛ ТАНТРЫ

Перевод фрагмента из книги: Padoux A. Comprendre le tantrisme. Les sources hindoues. Paris, 2010. P. 189–201. Автор перевода: Андрей Игнатьев

В мире Тантры, как было сказано, царит гиперритуализм. Многочисленные и сложные обряды здесь повторяются и увеличиваются до бесконечности. Мы не можем составить представление о таком множестве. Возможно только подчеркнуть некоторые черты ритуала, чтобы позволить увидеть его протяженность и разнообразие, и вероятно, также обратить внимание на его значение. Тантрическим обрядам присущи изобретательность, важная роль тела, чувств и мысли, как и визуального воображения, что во многих отношениях носит исключительный характер. Обряд, насколько он является постановкой, произведением воображения, мыслительных и телесных действий того, кто его совершает, будь ли то простой верующий, храмовый жрец, духовный наставник / гуру, сиддха или маг – тем, что на нем происходит, всегда интересен, иногда удивителен. Человек по натуре ритуалист: в Индии именно потому что он совершает обряды, он отличается от других живых существ.

Крайний тантрический ритуализм является неотъемлемой частью исторического развития, восходящего к ведийской эпохе, чьи торжественные ритуалы были очень сложными. Тантрическая обрядность зародилась на границе ведийского общества и имела совсем другой источник вдохновения. Вначале эти визионерские, трансгрессивные обряды были, без сомнения, достаточно простыми. Затем они усложнялись, образуя крайне разнообразный и весьма особый ритуальный мир, который в текстах (чьими авторами являлись брахманы, а значит, знатоки Вед и ведийской обрядности) появился уже в достаточно устоявшейся форме в VIII в. и сохранялся почти неизменным до наших дней.

Что касается этих обрядов, в той форме, как они существовали (и сохранились), зачастую трудно отличить то, что является собственно тантрическим, то есть основывающимся на санскритских текстах агам и тантр и комментариях на них, от того, что принадлежит к сфере народной религии; позже мы вернемся к этому вопросу. Здесь нам необходимо подчеркнуть следующие основополагающие тантрические черты: существенно важную роль воображения, творящего образы, мысленно и телесно переживаемое устремление отождествиться с божеством и, особенно, роль мантр, так если можно использовать мантру вне всякого ритуала, не существует обряда без мантры. Можно было бы сказать, что здесь перед нами буддийская триада (но также индийская и тантрическая): слово-тело-дух, *vāk-kaṃya-citta*: человек в его целостности.

Наконец необходимо уточнить, что все обряды, которые мы увидим в этой главе, являются прежде всего частными или домашними, что каждый совершает их для себя или своих близких у себя дома или в других подходящих местах. Это не храмовые культы, наиболее заметные для человека, путешествующего по Индии. Иногда они производят наибольшее впечатление (вспомним, например, культ Джаганнатха в Пури), но отнюдь не являются самыми важными. Частные обряды, повседневные или совершаемые по случаю, носят обязательный характер. Не совершать их это грех, в то время как не было обязанности ходить в храм, который часто посещался лишь во время праздников, впрочем, достаточно многочисленных. Обычное пространство для обрядов, которые мы опишем, это освященное пространство. Этим пространством может являться алтарь в углу дома, воздвигнутый по случаю павильон, или особое освященное место: святилище, место кремации, берег реки, перекресток дорог и т.д. Впрочем, это правила, действительные для всей индуистской среды, а не только для тантриков.

Так как невозможно рассмотреть здесь все тантрические обряды, ни даже главные, то скорее именно их дух, структурирующие их принципы и

идеологию, направляющую и придающую им смысл, я хотел бы описать, показывая одновременно на нескольких примерах то, что могут представлять собой некоторые из этих практик или ритуальных постановок.

Дух обрядности

Мир Тантры, как было сказано, это мир вездесущности божественной энергии, одушевляющей вселенную. Это мир отождествления с этой энергией, овладения ей и манипуляции ей посредством обрядов. Именно потому что обряды пускают эту силу в ход, они оказываются действенными, что позволяет их сблизить с магией, пользующейся в Индии влиянием: разве майя не есть (также) магия? Предписанные в принципе божеством, потому что тантры это данные в откровении тексты, обряды представляют собой действия, совершаемые человеческими существами, но в данные действия проникает и одушевляет их божественная энергия, шакти. Именно для того, чтобы обрести способности йогини, древние капалики совершали трансгрессивные культовые обряды, включающие секс, и по-прежнему, по крайней мере в определенных случаях, обладание темными, а значит могучими силами природы является тем, что стремятся достичь через ритуал тантрики. Отсюда многие обряды совершаются ночью в местах кремации, часто посещаемых духами и вампирами. Отсюда также одержимость (*āvesha*) участников ритуала силами или божествами, побуждаемыми присутствовать таким образом: это было присуще древним визионерским культам Тантры и остается постоянной составной частью народного индуизма. Явление одержимости можно часто наблюдать в ходе тантрических ритуалов, чьим элементом или целью она может являться, идет ли речь о культе грозных божеств или инициации.

Если манипуляция энергией существенно важна для тантрических обрядов, она не производится как заблагорассудится. Во всех направлениях индуизма действенность обрядов основывается на их точном выполнении в

соответствии с предписанными правилами: любая ошибка может оказаться роковой и ее следует исправить – для чего существуют искупительные обряды (prayashchitta), представляющие собой очень важную ритуальную категорию, тем более что сложность тантрических ритуалов повышает риск ошибки. Но начиная с определенного момента (XII в.) появилась тенденция к упрощению, которой способствовало распространение благоговейного почтения, бхакти (bhakti). Для бхакти важна именно любовь к Богу, дух совершаемых действий, а не ритуальная точность. Предписание выполнять определенные обряды с чувством почтения обнаруживается даже в древних текстах. А значит, ритуальная точность и бхакти не исключают друг друга.

Другая характерная черта: тантры уточняют, что обряды следует совершать с щедростью, не заботясь об экономии средств. Некоторые обряды, на самом деле, очень дороги, они включают возведение временных строений, использование инструментов из золота или драгоценных камней. Если добавить сюда не только выплату ритуального «жалования» брахману, не только совершающему обряд (dakshina), но также и другие вознаграждения (раздача пищи, одежды и т.д.), а еще подношения божеству (или храму), которые могут быть более или менее пышными, значит, не любой располагает средствами совершать или заказывать совершение таких обрядов, а следовательно, получать доступ к определенным преимуществам в духовной сфере, если не к освобождению. Это может показаться нам несправедливым, но Индия никогда не была эгалитарной. И если индийцы очень высоко ставят тех, кто отказался от богатств и мирских радостей, они никогда не считали, что быть бедным является религиозной заслугой – состояние, в котором оказываешься, это следствие кармы. Что касается пышности обрядов, то прежде всего это почтение, воздаваемое божеству, но также и источник радости для участников, которым, восхищенным красотой места и ритуальной утвари, лучше открывается божественное начало.

Когда мы знакомимся с ритуальными предписаниями в тантрических текстах, поражает место, отводимое мыслительной деятельности – и в

особенности визуальным репрезентациям. Для того, кто совершает обряд, недостаточно рецитировать мантры и выполнять определенные действия, необходимо непрерывно сопровождать эти действия мысленными образами, будь ли то интериоризованными или спроецированными в воображении на какую-либо опору. А значит, в определенном числе обрядов адепт должен (по меньшей мере, в принципе) предаться подлинной визуальной мысленной фантазмагории. Так, когда обряд совершается с диаграммой (янтрой или мандалой), божества, помещаемые посредством их мантр на эту диаграмму, это не маленькие фигурки: адепт должен воображать их присутствующими и, теоретически, мысленно видеть их в облике наподобие того, как их описывают тексты во фрагментах, называемых в точности дхьяна-шлока (dhyāna-shloka), «станцы [визуальной] медитации». Когда божества на обряде представлены изукрашенными сосудами, помещенными на диаграмму, чтобы образовать здесь пантеон, также необходимо воображать здесь их присутствие. Даже на изображении божества, как мы увидим, существуют элементы, которые нужно мысленно устанавливать. Кроме того, поскольку тантрические обряды, в частности, пуджа, являются совершающимися физически и мысленно действиями, мысленно призываемые образы в этих случаях необходимо «увидеть» в определенных местах йогического воображаемого тела адепта: ритуальное действие в этом отношении представляет собой работу над образом тела.

Пуджа

Возьмем, например, обряд почитания божества, пуджа, о котором мы помним, что когда он является тантрическим, то нацелен на отождествление адепта с божеством. Этот обряд содержит две части: первая, «внутренняя» или мысленная, основывается на образе тела; вторая, «внешняя», физически совершается с образом или диаграммой, жестами и подношениями.

Эта первая часть, которую некоторые авторы считают главной, потому что она приводит к обожествлению, целиком представляет собой телесно переживаемую работу творческого воображения (или скорее связанного с эвокацией, потому что предписанные образы призываются). Этот обряд начинается с очищения тела верующего, нацеленного на создание божественного тела, которое заменит на время обряда его нечистое и бренное тело. Это необходимая вещь, так как, согласно изречению, «тот, кто не является богом, не может почитать Бога»: только чистое, божественное существо может приблизиться к божеству. Для этой цели (для почитания Шивы, но обряд в честь Вишну совершается аналогичным образом) адепт, уже подвергшийся семи видам омовения (водой, огнем, мантрами и т.д.) войдет в предназначенное для обряда пространство, мысленно кремирует свое тело огнем мантры астра, а затем рассеет его пепел, раздувая «ветер, происходящий от шакти». Не имея теперь тела, он заменяет его посредством мантр различными частями тела Вечного Шивы, Садашивы, сияющего божества, с его пятью головами, членами и атрибутами. Садашиве адепт устанавливает трон в своем сердце и предлагает ему воду для омовения, одежды, украшения и т.д., все это посредством мысленных репрезентаций и чтения мантр, которые символизируют и представляют все то, что он должен «увидеть». Заметна сложность выполняемых действий – если, по крайней мере, обряд не ограничивается одним только чтением мантр, что, без сомнения, чаще всего и бывает. Но даже без ясных и четких визуализаций верующий живет уже другой жизнью, потому что почитаемое божество воспринимается как присутствующее в нем, как заменяющее в некотором роде его самого.

Я вкратце изложил здесь описание этого обряда, содержащееся в Мригендра-агаме. В других текстах обнаруживаются отличные от представленного описания. Таким же образом существует и еще один, также шиваитский обряд, который очень веселый и изобретательный: адепт представляет свое тело баньяном, который он сажает. Этот баньян растет,

цветет и плодоносит, а затем гибнет, после чего адепт мысленно сжигает его и рассеивает пепел по ветру энергии. В Йогинихридае наделение тела божественной природой осуществляется посредством шести серий наложений (ньяса) божеств – пятьдесят одного Ганеши вместе с их женскими коррелятами, шестюдесятью четырьмя йогини, шестнадцатью видьями и т.д., а затем шричакры.

Но какую бы форму не имело это первое совершаемое посредством воображения действие, обретший божественную природу адепт затем проводит внутренний обряд, заключающийся в мысленном выполнении всех действий внешнего обряда. Верующий, представляющий себе почитаемое им божество находящимся в лотосе своего сердца, предлагает ему трон, подводит его к нему, усаживает и удерживает (все это посредством мантр и мудр), а затем в своем воображении предлагает ему привычные культовые подношения (*urachāra*), которых насчитывается от пяти до шестнадцати: вода для омовения, одежды, священный шнур, мази, бетель, благовония, светильники, яства и т.д., все то, что традиционно предлагается почитаемому гостю. После этого он мысленно вызывает облик «лиц» и «членов тела» бога, а затем облик божеств из его окружения (которые он воображает, как сказано в Мригендра-агаме, «в их форме, соответствующей цели, к которой стремится адепт»). Затем он мысленно помещает подношение в огонь (*arghya*), а после делает джапу мула-мантра (основной мантры) божества (эти два обряда завершают любую пуджу), стремясь либо к освобождению, либо к исполнению желаний.

Именно только тогда проводится «внешний» обряд, когда верующий совершит физически те же обряды встречи и почитания божества. При этом он также должен будет заставить работать свое воображение. В случае шиваитского обряда, если он проводит обряд с лингамом, то, что он должен «увидеть» перед собой, это не просто цилиндрический предмет, который целиком бы символизировал Шиву и почитался бы. Он обязан представлять себе более сложную картину, рассматривая его как трон почитаемого

божества, трон, который необходимо возвести, мысленно складывая на этот лингам составляющие его элементы, которые являются тем, что образуют совокупность космической манифестации. А значит, он начинает с «визуализации» под лингамом Черепахи, поддерживающей все, «свернутое подобно зародышу в зерне, белое, как молочный океан», которое необходимо в таком случае почитать. Затем, над этой черепахой необходимо увидеть Вечную обитель, где находится «действующая причина развертывания нечистой манифестации», то есть проявленного мира, который «блистает словно луна и подобен бутону лотоса, поднятому над своим стеблем». Он воздает ей почести и продолжает это делать, «видя» восемь лепестков этого бутона лотоса, а после этого он будет поклоняться различным шакти и, наконец, всем составляющим мир таттвам, начиная от земли и заканчивая шуддхавидьей (*shuddha-vidyā*). А значит, именно всю вселенную, вместе с населяющими ее божествами адепт должен увидеть в воображении на месте простого предмета, находящегося перед ним. Таким же образом ему тогда следует установить на этот трон Тело сознания (*vidyā-deha*) бога, «прозрачное словно кристалл, с десятью руками, тремя глазами на каждом из своих пяти лиц, его волосы собраны в корону, и полумесяц блистает на макушке». Руководства (я цитирую здесь «Сомашамбху-паддхати») излагают дотошное описание этого обряда.

Этого воображаемого бога (в то время как в действительности в случае ранее существовавшего образа, все то, что составляет божество, было уже помещено в изображение во время, когда это изображение было установлено!) необходимо теперь почитать мантрами, призывать, а затем воспринимать его как состоящее из мантры, которую адепт поместит посередине своего лба, где она примет форму точки, бинду, «сияющей словно луна посередине чела, с ее шестью членами». Затем адепт представляет божество «снизошедшим в цветущий сосуд его рук, чтобы быть единым с почитаемым образом, где он его устанавливает». Отныне Шива присутствует на лингаме благодаря адепту, который будет выполнять конкретные

обрядовые действия: купать и вытирать лингам, предлагать ему цветы, благовония, светильники, украшения, различные субстанции, составляющие аргхью и т.д. Пуджа заканчивается подношением в огонь (homa), заключительной джапой и ритуальными «проводами» бога. Таков обряд, как его описывают тексты шайва-сиддханты.

На обряде в честь богини Трипурасундари (школа шривидья), который проводится не с изображением, а на шричакре, после «внутреннего» обряда, описанного нами выше, «внешний» обряд состоит в почитании на диаграмме сначала Богини, а затем всех божеств, присутствующих на девяти рядах треугольников, окружающих центральную точку. Эти божества, мысленно помещенные посредством ньясы на шричакру, следует здесь вообразить точным образом, перед тем как сделать каждое из них (или группу) предметом почитания: мы оказываемся здесь в точно такой же ритуальной фантазмагии, как и прежде. Этот обряд заканчивается достаточно особой джапой шривидьи, описанной нами в предшествующей главе. В действительности это является телесным поднятием этой мантры с кундалини (которую адепт должен, впрочем, также поднимать во время обряда). Тексты вишнуитской панчаратры содержат аналогичные описания.

Это базовая схема тантрической пуджи, и видно, что если она совершается в соответствии с предписаниями, то представляет собой напряженную работу зрительного воображения, как проецируемого внешним образом на изображение божества, так и в интериоризуемом виде, мысленно и физически переживаемого верующим. Если считать, что весь этот ритуальный процесс, в своих операциях, как и в своем духе, при отправлении вызывает к жизни опыт отождествления с божествами, осуществляемый посредством напряженного мыслительного усилия, которое каждый день повторяется, можно поинтересоваться, каким образом и с какими представлениями о собственном теле адепт возвращается к обычной жизни. Любая тантрическая практика имеет тенденцию к тому, чтобы оказывать

трансформирующее воздействие, но эта должна обладать особенно напряженным характером.

Другие аспекты тантрического культа, в особенности взятые из тантр Бхайравы, иногда весьма любопытны. Культу грозных божеств с неизбежностью присущи свои особенности. Для почитания Бхайравы, например, лучшим культовым изображением является не лингам в привычной более или менее фаллической форме, но тура (tūra), т.е. человеческий череп, украшенный надрезами; в 27-й главе «Тантралоки» описываются различные виды туры. Для тантрического культа характерно также то, что совершаемые подношения (включая аргхью) не являются «вегетарианскими», но включают алкоголь, а также жертвоприношение или подношение мяса (или рыбы), к которым иногда добавляется, как мы видели, соитие. Эти подношения или тантрические ритуальные действия являются тем, что иногда называют панчамакарой, «пятью буквами м», потому что с «м» начинается обозначающее их слово: мадья (алкоголь), мамса (мясо), матсья (рыба), мудра (зерна?) и майтхуна (соитие). Этот список пяти в действительности современный; в древних текстах упоминаются только мадья, мамса и майтхуна.